

СМАНАЛИЕВ К.М.,
первый заместитель директора
Юридического института КНУ им.Ж.Баласагына,
д.ю.н., профессор

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ОБВИНЕНИЕ

Одной из задач уголовного судопроизводства является привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших. Данная задача решается посредством осуществления следователем, прокурором такой уголовно-процессуальной деятельности как уголовное преследование. Уголовное преследование как действенная форма правосудия имело место в истории правовых систем, существует оно в качестве основополагающей силы закона и ныне, поэтому, в силу универсальности и значимости, функцию уголовного преследования законоведы называют «движущей силой всего уголовного процесса» [11: 56].

С точки зрения семантики термина на русском языке преследование – это деяние, когда есть действующая сила, которая преследует, и есть объект преследования [7: 755]. Следовательно, в уголовном судопроизводстве объектом преследования следует считать лицо, совершившее преступление.

Функция уголовного преследования осуществляется субъектами уголовно-процессуальной деятельности в ходе досудебного производства по уголовным делам.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (далее: УПК КР) не предусматривает в ст. 5 понятие «уголовное преследование», не раскрывает содержание данной дефиниции. Но статьи 8, 27 и 33 УПК КР уголовное преследование связывают только с деятельностью прокурора, а статьи 19 и 34 УПК КР регламентируют деятельность следователя по осуществлению расследования по уголовному делу. Цитируя вышеуказанные статьи, УПК КР в понятие «уголовное преследование» включает деятельность участников процесса по возбуждению уголовного дела и расследования его, поддержание в суде обвинения.

В условиях становления и развития этой функции особую актуальность приобретает проблема, как и каким образом данный вопрос реализован в УПК постсоветских государств?

Под уголовным преследованием (п. 45, 47, 55 статьи 5 УПК РФ) понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения (на основе состязательности), то есть прокурором, следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, начальником подразделения дознания, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем, в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В соответствии с Модельным УПК стран СНГ уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и лица, совершившего его виновности последнего в совершении преступления, последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер [5].

Уголовное преследование в УПК Республики Казахстан определено как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-процессуального воздействия [15].

УПК Азербайджанской Республики содержит следующее определение: «Уголовное преследование – уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая с

целью изобличения лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, предъявления ему обвинения, поддержание этого обвинения в суде, назначения ему наказания, обеспечения ему в случае необходимости мер процессуального принуждения» [14].

Анализируя нормы УПК РФ, связанных с понятием уголовного преследования, мы полагаем, что уголовное преследование в досудебном производстве не может осуществляться на основе состязательности. Здесь отсутствует функция рассмотрения уголовного дела. А если обратить внимание на определение уголовного преследования, которое дается в модельном УПК стран СНГ и УПК Республики Казахстан, то заметим, что уголовное преследование осуществляет исключительно сторона обвинения, что заставляет думать только о такой стороне процесса, как прокурор. Однако такой подход полностью исключает из процесса такую важнейшую его сторону, как следователь (равно как и других участников сложной структуры уголовного преследования).

Принципиальный интерес представляет и то, как определяют содержание понятия уголовное преследование ученые в области уголовного судопроизводства.

Так, З.Ф. Ковриги отмечает, что под уголовным преследованием следует понимать деятельность, осуществляемую органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором, направленную на обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление и состоящую из действия по обнаружению преступления, возбуждению уголовного дела, собиранию обвинительных доказательств в отношении конкретного лица, формулированию и предъявлению обвинения, применению любого вида процессуального принуждения, составлений обвинительного заключения и наконец, поддержанию обвинения в судебных инстанциях [3: 52]. На наш взгляд, это весьма спорная точка зрения, как и суждение по данному вопросу А.А. Коомбаева: «Уголовное преследование рассматривается как процессуальная деятельность, направленная на собирание и закрепление доказательств, проведение процессуальных действий, уличающих определенное лицо в совершении преступления, принятия и исполнения решений о вовлечении его в уголовный процесс в качестве подозреваемого, обвиняемого, формулирование обвинения, его основание и поддержание в суде, конечный итог которой направлен на установление виновности лица, совершившего преступление» [4: 12-13].

Не принимая такой позиции, мы в принципе не можем согласиться и с мнением Н.В. Муравьева, который считает, что обвинение – это часть уголовного преследования: «что же касается до» обвинения, «означающего с обличением», то под тем или другим подразумевается лишь часть или отдел уголовного преследования, один из процессуальных его моментов, ограниченный собственно судебным разбирательством, точнее равно преследованию перед судом в судебном его заседании [6: 533-534].

Своего рода М.С. Строгович использует «уголовное преследование» и «обвинение» как идентичные друг другу понятия: «Обвинение как уголовно-процессуальная функция, то есть обвинительная деятельность, совокупность действий, направленных на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания, носит также наименование уголовного преследования» [10: 190].

При всем уважении к аргументации и глубине анализа проблемы, продемонстрированными вышеуказанными коллегами, мы не считаем возможным согласиться с утверждением, что уголовное преследование включает в себя поддержание обвинения в суде. Это функция государственного обвинителя и является прерогативой прокурора. Более того, Конституция КР четко дифференцирует понятия «уголовное преследование» и «обвинение» [16: 110-111].

На наш взгляд, заслуживает поддержки позиция В.П. Божьева и Т.А. Саякбаева, которые под уголовным преследованием понимают деятельность, осуществляемую уполномоченными на то субъектами процесса в целях изобличения в совершении преступления подозреваемого и обвиняемого [13: 10]. Однако и здесь нужно отметить, что

понятия «уголовное преследование» и «обвинение» хотя и тесно взаимосвязаны, однако отнюдь не равнозначны – и нельзя их включать в структуру уголовного преследования без должной дифференциации. В этой связи заслуживает внимание уточнение Н.Е. Петрова и О.А. Андреева, которые пишут, что уголовное преследование осуществляется в ходе предварительного расследования путем пресечения преступления, розыска и изобличения виновного и является необходимой предпосылкой обвинения в судебном разбирательстве [1: 137; 8: 26].

Несмотря на то, что у обвинения и уголовного преследования цель одна – обоснование и обеспечение реализации уголовной ответственности, обвинение подлежит понимать исключительно в материально-правовом смысле – как утверждение о совершении определенным лицом преступления, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

В этимологическом смысле обвинение – означает признание виновным, приписывание кому-то какой-то вины, осуждение в чем-то [9: 7].

Итак, уголовное преследование начинается с момента подозрения определенного лица в совершении преступления, а обвинение на стадии судебного заседания.

УПК РФ определяет обвинение как утверждение о совершённом определенным лицом деянии, запрещенном уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном законом [12].

УПК КР не предусматривает специальной статьи, характеризующей понятие обвинения. Но глава III УПК КР специально посвящена вопросу обвинения: здесь говорится о делах частного, частно-публичного и публичного обвинения.

Представляется очевидным, что обвинение следует трактовать как самостоятельную категорию, которая представляет собой процессуальную деятельность прокурора по изобличению лица в совершении преступного деяния и обоснование того, что это лицо должно нести ответственность в уголовном процессе. В этой связи значимо определение, данное М.П. Бобылевой: обвинение следует понимать как пусковой механизм уголовного процесса потому что, без обвинения нет уголовного правосудия, оно выступает предметом и неотъемлемым условием его осуществления [2: 13].

Основываясь на сопоставительном анализе точек зрения на этот непростой вопрос юридической практики, высказанных признанными специалистами-исследователями, мы хотели бы подытожить нашу точку зрения внесением следующих предложений, направленных на совершенствование теории уголовного судопроизводства и УПК Кыргызской Республики:

1. Считать категории «уголовное преследование» и «обвинение» совершенно самостоятельными.

2. Понятие уголовное преследование формулировать и использовать в следующей редакции: «Уголовное преследование – это деятельность, осуществляемая уполномоченными на то субъектами процесса в целях изобличения в совершении преступления подозреваемого, обвиняемого».

3. Понятие обвинение представить в следующей формулировке: «Обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом преступления, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке установленным законом»;

4. Данные дефиниции внести в контекст и формулировки статьи 5 УПК КР «Определение основных понятий, содержащихся в УПК КР».

Источники:

1. Андреева О.А. Соотношение функции обвинения в уголовном преследовании по УПК РФ // Судебная реформа и становление правового государства в РФ. - М.: - 2003. С. 137.

2. Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России. Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Уфа. -2004. -С. 13.
3. Ковриги Ф. Процессуальные проблемы уголовного преследования и защиты // Правовая конфликтология. – Воронеж.- 2005. -С. 52.
4. Коомбаев А.А. Обвиняемый - участник уголовного судопроизводства. – Б.: - 2012. -С. 12-13.
5. Модельный УПК для государств-участников СНГ. Принят на Седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17.02.1996. - М.: - 1996.
6. Муравьев И.В. Из прошлой деятельности: Статьи по судебным вопросам. - СПб.-1990. Т. 1. - С. 533-534.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: - 2003. - С. 755.
8. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинения. – Самара.- 2004. -С. 26.
9. Саякбаев Т.А. Процессуальное положение государственного обвинителя в суде первой инстанции. - Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Б.: - 2012. -С. 7.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т. 1. - М.: -1968. - С. 190.
11. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. - М.: - 1951. -С. 56.
12. Уголовный-процессуальный кодекс РФ. М.: -2009. Ст. 5 п.22.
13. Уголовный процесс / Под.ред. В.П. Божьева. - М.: - 2002. -С. 10.
14. УПК Азербайджанской Республики. – Азербайджан.- 2009. Ст. 7.0.4.
15. УПК Республики Казахстан. – Алматы.- 2005. П. 13 Ст.17.
16. Конституция Кыргызской Республики. –Б.: -2010.-ст.104., п.5.6.